ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР

Член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей

Нашу планету населяет свыше двух тысяч народов. Изучение сходства и различий их образа жизни составляет особую отрасль знаний. Именуется она в разных странах неодинаково. Ее называют этнологией, культурной антропологией, народоведением и т. д. У нас, как и в некоторых других европейских странах, она выступает под названием «этнография».

В нашем самом многонациональном в мире государстве этнографические исследования получили сравнительно широкий размах. Этому в немалой степени способствовало существование в России ко времени Великой Октябрьской социалистической революции давних традиций этнографических изысканий¹. С первых же своих шагов советская этнография могла опереться на гуманистическое, демократическое наследие нашей отечественной дореволюционной этнографической науки, на работу ее лучших представителей, принявших активное участие в создании новой жизни. Советская этнография унаследовала от дореволюционной и широту научных интересов и охват изучения всех народов мира.

Но особенно важную, бесспорно решающую роль в развертывании этнографических исследований в послереволюционные годы сыграла

¹ С. А. Токарев. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М. 1966.

тесная их связь с теми практическими задачами, которые возникли сразу же после Октября. Осуществление ленинской национальной политики, необходимость коренного преобразования культуры и быта отсталых в прошлом народов требовали углубленного изучения этнического состава населения и национальных особенностей его культуры.

Уже в первые годы Советской власти в Ленинграде и Москве было создано несколько новых научных центров этнографического профиля (в том числе университетских), одновременно была возобновлена работа и большинства научных обществ, в рамках которых в дореволюционный период преимущественно велись этнографические исследования. К концу 30-х годов в основных чертах уже наметились контуры разветвленной сети этнографических научных учреждений: наряду с Институтом этнографии АН СССР появились соответствующие исследовательские ячейки во многих республиках; начали складываться местные кадры квалифицированных специалистов, в том числе из среды коренных национальностей. В послевоенный период, как известно, деятельность в этом направлении получила особенно широкий размах².

Разумеется, развитие нашей этнографической науки за полвека отнюдь не сводится лишь к усовершенствованию организационных форм, расширению масштабов исследований и подготовки кадров. Главный определяющий феномен этого развития — становление и утверждение в ней марксистско-ленинской методологии. Данный процесс, завершившийся в основных чертах еще в предвоенные годы, в свою очередь, сопровождался изменением представлений о самом предмете, важнейших проблемах и месте этнографии в системе наук³.

В свое время у нас этнографию рассматривали как дисциплину, наиболее тесно связанную с географией. Не случайно первая в нашей стране этнографическая научная ячейка возникла в рамках Географического общества. Как известно, долгое время даже подготовка этнографов была включена в сеть географического образования. Однако уже в предвоенные годы у нас окончательно устанавливается определение этнографии как исторической дисциплины. И в этом, несомненно, сказалось утверждение в ней методологии исторического материализма. Отнесение советской этнографической науки к числу исторических дисциплин наиболее всеобъемлюще учитывает ее последовательный историзм. Ведь, хотя объектом изучения этнографии в первую очередь являются современные народы, она рассматривает их этнические особенности в историческом плане, в становлении и развитии. А это неизбежно включает в поле зрения этнографов не только существующие в момент изучения, но и все когда-либо существовавшие в прошлом народы. В результате этнографическая наука охватывает всю историю человечества, исследуя ее под определенным, этническим углом зрения. В качестве исторической дисциплины этнография выступает и при всесто-

² В настоящее время этнографические научно-исследовательские ячейки имеются во всех союзных, республиканских, а также во многих автономных республиках и областях. Обычно это специальные секторы или группы в составе гуманитарных институтов: в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР, в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Министрства культуры Белорусской ССР, в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР, в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР, в институтах истории остальных союзных республик, в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, в Коми филиале АН СССР, в Казанском, Петрозаводском, Уфимском институтах языка, литературы и истории, в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и т. д.

³ Более подробную характеристику основных этапов становления советской этнографической науки см.: С. П. Толстов. Этнография и современность. «Советская этнография» (далее СЭ), 1946, № 1; его же. Советская школа в этнографии, СЭ, 1947, № 4; его же. Сорок лет советской этнографии. СЭ, 1957, № 5; С. А. Токарев. Советская этнография за 40 лет. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии. СЭ, 1967, № 5.

роннем изучении истории докапиталистических обществ, прежде всего первобытнообщинного. Таким образом, если пространственно этнографические исследования охватывают все народы мира, то хронологически их диапазон простирается от становления человеческого общества до современности.

Являясь исторической дисциплиной, современная этнография, однако, занимает весьма своеобразное место во всей системе наук. Это прежде всего обусловлено тем, что хотя этнографы концентрируют основное внимание на культурно-бытовых явлениях, однако выяснение отличительных, типических черт в жизни каждого народа требует знания ее в целом. Именно поэтому этнографическое изучение народов пересекается со многими «отраслевыми» общественными и естественными науками. Между некоторыми из таких наук и этнографией практически почти невозможно провести четкую демаркационную линию. Недаром на их пограничье в последнее время возникла целая серия особых «синтетических» спутников этнографии: этническая антропология, этническая география, этническая лингвистика, этноботаника и т. д. Весьма тесные научные узы связывают этнографию с фольклористикой. Особое внимание к изучению современных форм общественной жизни сближает этнографию с такими науками, как конкретная социология и экономика.

Своеобразие этнографической науки проявляется и в некоторых характерных особенностях ее методики: широком применении метода непосредственного наблюдения современной жизни народов; комплексном использовании наряду с материалами всех исторических дисциплин данных самых различных отраслей знаний. Чрезвычайно важную роль в научной деятельности этнографов играют полевые исследования. За полвека десятками экспедиций, ежегодно направляемых центральными и местными этнографическими учреждениями в самые различные концы страны, собран богатейший фактический материал, значительная часть которого получила отражение как в многочисленных публикациях, так и в музейных экспозициях.

Основным направлением научной деятельности советских этнографов является историко-этнографическое изучение народов мира. Это направление охватывает целый комплекс проблем: от этногенеза до современных культурно-бытовых и этнических процессов. Разработка этого направления играет важную роль в борьбе с различными реакционными концепциями, например, такими, как теория «природной неполноценности» и «неспособности к прогрессу» народов Африки, Азии, Австралии и Океании, с утверждениями, что эти народы в своем историческом развитии идут «по особому пути», якобы принципиально отличному от истории народов других частей света.

Познавательная значимость историко-этнографических знаний предопределила пристальное внимание советских этнографов к созданию обобщающих характеристик народов в форме сводных трудов, историко-этнографических атласов, этнических карт. Среди такого рода работ, несомненно, особое место принадлежит 13-томной серии «Народы мира» (18 книг), подготовленной под общей редакцией С. П. Толстова. В каждом томе серии даются подробные, опирающиеся на новейшие источники сведения о происхождении, этническом составе населения, о культурно-бытовых особенностях отдельных народов, приводятся материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней. Эта серия, завершенная в канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, получила широкое признание, о чем свидетельствуют многочисленные положительные рецензии как на отдельные тома⁴, так и

⁴ Обзор рецензий на отдельные тома см.: И. А. Золотаревская. Советские и зарубежные ученые об этнографической серии «Народы мира». СЭ, 1961, № 4. Кроме упомянутых в этой статье, в 1962—1966 гг. еще свыше трех десятков рецензий на отдельные тома серии было опубликовано как в нашей стране, так и за рубежом.

на издание в целом⁵. Данный труд превосходит все аналогичные зарубежные издания. В отличие от них серия «Народы мира» показывает исторические корни, социально-экономическую обусловленность и взаимосвязь многообразных этнических процессов. Благодаря этому она знаменует собой принципиально новый этап в мировой этнографической науке. Отдельные тома этой серии или главы из томов были переведены на иностранные языки и изданы за рубежом⁶. Два тома («Численность и расселение народов мира» и «Народы Восточной Азии») были удостоены премии Президиума АН СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Подготовка томов «Народы мира» сыграла важную роль в развитии самой советской этнографической науки. Работа над томами заставила обратить внимание на «белые пятна», раздвинула рамки научных интересов наших специалистов до подлинно глобальных масштабов. Создание серии немало содействовало укреплению связей между всеми советскими этнографами, а также установлению тесных контактов с этнографами социалистических стран, принявшими непосредственное участие в написании тома о народах Центральной и Восточной Европы.

Приближается к завершению и второе, охватывающее все народы мира, правда, значительно более краткое издание — «Очерки общей этнографии» в 5 томах. Необходимо, учитывая опыт подготовки обеих серий, продумать новые формы обобщения материалов о народах мира. Представляется, что такого рода работы должны быть особенно насыщены материалами, характеризующими традиции, нравы и обычаи отдельных народов; именно эти сведения нашему читателю труднее всего почерпнуть из литературы неэтнографического профиля — из работ по гражданской истории, экономике, географии отдельных стран. (Между тем большая практическая значимость подобных сведений для советских людей не подлежит сомнению.)

В рамках общего историко-этнографического изучения народов особое место занимают проблемы этнической истории, в первую очередь этногенеза. Исследования этих проблем имеют важное принципиальное значение. Они показывают, что все современные народы сложились из разных этнических компонентов, имеют смешанный состав, а следовательно, опровергают расистские, шовинистические измышления о «расовой чистоте», «исконных предках», «национальной исключительности» отдельных народов. Разработка проблем этногенеза уже многие десятилетия ведется комплексно, совместными усилиями этнографов, антропологов, археологов, лингвистов. Но в прошлом этногенетические проблемы решались главным образом на основе лингвистических данных и сводились, по существу, к истории языков: их происхождению и распространению; определяющая роль при этом отводилась переселениям народов. Позднее под влиянием лингвистической теории Н. Я. Марра были пересмотрены некоторые примитивно-миграционистские теории происхождения многих народов. Однако при этом были допущены крайности иного порядка — почти полное отрицание роли миграций. Известная дискуссия по вопросам языкознания привела к преодолению такого рода крайностей. Но при этом, на наш взгляд, вновь наметилась тенденция к частичному преувеличению роли миграций. Так, в работах обоб-

⁵ В. В. Покшишевский. Этнографическая картина современного мира. «Коммунист», 1965, № 17; Л. П. Лашук. Многотомная серия «Народы мира» и некоторые проблемы развития этнографии. «Вопросы истории», 1966, № 10; Б. Божиков «Народы мира. Этнографические очерки» (серия), 1954—1964. «Исторически преглед» (София), 1965, № 5, и др.

⁶ «Die Völker Afrikas. Ihre Vergangenheit und Gegenwart». Bd. 1—2. Hrsg. D. A. Olderogge und I. I. Potechin Aus d. Russ. übers. V. G. Hertel. Deutscher Verlag der Wissenschaften. B. 1961; «The Peoples of Siberia». Ed. by M. G. Levin and L. P. Potapov. Trans. by Scripta Technica, Inc., ed by S. D. Dunn. University of Chicago Press. Chicago — London. 1964; «Народи Југославије». Српска Академија наука и уметности. Посебна издања. Књ. 385. Етнографски институт. Књ. 13. Београд. 1965.

щающего характера до сих пор нередко отдается дань представлению, что подавляющее большинство переселений народов влекло за собой почти полное уничтожение или вытеснение местного аборигенного населения. Между тем, как свидетельствуют, в частности, антропологические данные, для такого рода представлений обычно нет достаточных оснований⁷. Таким образом, развертывание этногенетических исследований отнюдь не было прямолинейным. И тем не менее комплексный подход, получивший особенно широкое развитие в послевоенные годы, дал значительные плоды в изучении конкретных вопросов происхождения отдельных народов. Наши современные представления о происхождении многих народов Советского Союза, несомненно, в значительно большей степени соответствуют исторической реальности, чем те, что существовали два-три десятилетия назад. Это в равной мере относится к народам, населяющим самые различные историко-этнографические регионы нашей страны: Прибалтику, Поволжье, Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток и т. д.⁸

Существен вклад советских исследователей и в разработку проблем происхождения зарубежных народов, особенно народов Америки, Азии, Африки, Австралии и Океании⁹. В частности, в последние годы весьма интенсивно велось изучение древнейших историко-культурных связей между Азией и Америкой и вопросов первоначального заселения Нового Света. В этой связи, например, можно отметить выдвинутую в нашей литературе гипотезу, согласно которой отсутствие у индейцев третьей группы крови свидетельствует о происхождении всего коренного населения Нового Света от сравнительно немногочисленных переселенцев из Азии¹⁰.

В целом в разработке проблем этногенеза советские ученые, осветившие по-новому многие вопросы происхождения и расселения ряда народов как нашей страны, так и зарубежных стран, бесспорно, занимают одно из ведущих мест в мировой науке, что широко признается за рубежом. Советская наука располагает всеми возможностями для дальнейшего успешного развития этногенетических исследований; необходимо только и в дальнейшем не ослаблять внимания к этому направлению, к его комплексной разработке. Дальнейшее продвижение в данной области, видимо, можно, в частности, связывать с подготавливаемыми историко-этнографическими атласами народов СССР.

Значительное место в деятельности советских этнографов занимает изучение этнических процессов в их историческом многообразии. При

⁷ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К вопросу о роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года». Кишинев. 1967, стр. 42—44.

⁸ Библиографию вопроса см.: А. И. Першиц. Актуальные проблемы советской этнографии. СЭ, 1964, № 4, стр. 12—13; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 8.

⁹ В. В. Бунак, С. А. Токарев. Проблемы заселения Австралии и Океании. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». «Труды» Института этнографии АН СССР (далее ТИЭ). Т. XVI, 1951; М. Г. Левиц, Н. Н. Чебоксаров. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии. Там же; Д. А. Ольдерогге. Происхождение народов Центрального Судана. СЭ, 1952, № 2; С. А. Арутюнов. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. «Восточно-азиатский этнографический сборник». II. ТИЭ. Т. LXXXIII, 1961; его же. Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна. СЭ, 1964, № 4; Н. А. Бутин. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». ТИЭ. Т. LXXX, 1962; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук). М. 1964; Д. Е. Еремеев. Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка). СЭ, 1967, № 4, и др.

¹⁰ «Народы Америки». I. М. 1959, стр. 21.

этом первостепенное внимание уделяется народной культуре и быту (за исключением языка), ибо как раз в данных сферах обычно наиболее отчетливо проявляются отличительные черты отдельных народов. Поскольку же частное, специфичное невозможно понять без знания общего, в поле зрения этнографов нередко оказывается культура и быт данного народа в целом. Это существенно отличает этнографию от тех дисциплин, которые изучают лишь отдельные виды культуры (искусствоведение, фольклористика и т. п.). Следует также заметить, что при изучении культурно-бытовых процессов этнограф неизбежно обращает особое внимание на такую общественную ячейку, как семья, поскольку именно в ее рамках протекает значительная часть этих процессов.

Исследуя культуру всех этнических общностей, независимо от их численности, советские этнографы смогли немало сделать для всестороннего освещения того вклада, который внесен различными народами мира в общую культурную сокровищницу человечества¹¹. Выявление этнического своеобразия этого вклада предполагает глубокое изучение как конкретной истории сложения культуры каждого народа в целом, так и происхождения отдельных ее элементов. Дело в том, что даже на первый взгляд самые второстепенные детали материальной культуры подчас являются весьма наглядными этническими показателями.

За 50 лет появилось большое число специальных исследований по истории сельскохозяйственной техники, поселений, жилищ, одежды, пищи; исследований, касающихся многих, если не всех, народов СССР¹², а также и ряда зарубежных народов¹³. Эти исследования позволили внести существенное уточнение в освещение как этнической истории, так и истории возникновения у отдельных народов некоторых видов культурно-хозяйственной деятельности. В частности, этнографами-сибиреоведами была широко обоснована древность ездового собаководства и, напротив, позднее происхождение оленеводства, существование двух центров одомашнивания оленя и т. д.¹⁴. В целях обобщения всех накопленных сведений по истории материальной культуры народов нашей страны создаются специальные историко-этнографические региональные атласы¹⁵, подготовка которых объединяет усилия этнографов как

¹¹ См. сборники «Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру». М., 1963; «Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов». М.-Л., 1966; «Культура и быт народов зарубежной Европы». М.-Л., 1967, и др.

¹² См., например, А. А. Попов. Нганасаны. ТИЭ. Т. III, 1948; В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. ТИЭ. Т. X, 1951; Г. С. Читаева. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952; «Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев, белорусов, XIX—начало XX в.». ТИЭ. Т. XXXI, 1956; П. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956; С. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства кочевых киргизов. Фрунзе, 1962; «Исследования по материальной культуре мордовского народа». ТИЭ. Т. LXXXVI, 1963; Г. Ю. Стельмах. Историчний розвиток сільських поселень на Україні. Київ, 1964; К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964; Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М.-Л., 1965, и др. Подробнее см. В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева. Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. СЭ, 1961, № 3; А. И. Першиц. Актуальные проблемы. СЭ, 1964, № 4, стр. 15; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 17—18.

¹³ См., например, А. С. Орлова. Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта. М., 1958; Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. ТИЭ. Т. LIII, 1960; А. Г. Богатырев. Проблемы изучения материальной и духовной культуры населения Карпат. СЭ, 1964, № 4; Г. И. Анохин. О материальной культуре фарерцев. СЭ, 1964, № 6; С. А. Арутюнов. Новые черты в японском женском национальном костюме. СЭ, 1965, № 4.

¹⁴ М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства. СЭ, 1946, № 4; Г. М. Василевич, М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. СЭ, 1951, № 1.

¹⁵ С. И. Брук, М. Г. Рабинович. Историко-этнографические атласы. СЭ, 1964, № 4.

центральных, так и республиканских научных учреждений. Вышел в свет атлас, посвященный народам Сибири. Только что опубликован атлас «Русские»¹⁶; ведется подготовка атласов, относящихся к Прибалтийскому, Кавказскому, Среднеазиатскому регионам, а также Юго-Западному региону, включающему Белоруссию, Украину и Молдавию¹⁷. Создание историко-этнографических атласов приобретает тем большее значение, что оно сопровождается широкой экспедиционной деятельностью с целью фиксации традиционных форм материальной культуры и быта, многие из которых исчезают буквально у нас на глазах. В известной степени историко-этнографические атласы напоминают своды археологических источников. Как уже говорилось, есть основания полагать, что атласы прольют дополнительный свет на многие конкретные вопросы этнической истории народов нашей страны. Работа над историко-этнографическими атласами ведется в тесном контакте с этнографами европейских стран. Во многих из этих стран также подготавливаются подобные атласы. Координацию работ над историко-этнографическими атласами осуществляет специальная Международная комиссия, в которой активное участие принимают представители советской этнографии.

Что касается духовной культуры, то внимание этнографов прежде всего привлекает массовое народное художественное творчество, изучаемое ими наряду с фольклористами и искусствоведами. Особенно заметно продвинулось этнографическое изучение отдельных форм этого творчества у малых народов, у которых оно обычно отличается глубокой самобытностью¹⁸.

Как известно, многие специфические черты повседневной жизни того или иного народа нередко обусловлены исповедуемой им религией. Этим в значительной степени объясняется то, что отдельные аспекты религии неизменно находятся в поле зрения этнографов. Наиболее заметен здесь их вклад в исследование ранних, особенно отличающихся своеобразием форм религиозных верований и культов, проблем происхождения и классификации религий; накоплен обширный материал о процессах преодоления религиозных пережитков у народов нашей страны¹⁹.

В последнее время намечилось некоторое оживление в изучении такой традиционной этнографической темы, как народные нравы, обы-

¹⁶ «Историко-этнографический атлас Сибири». Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.-Л. 1961. «Русский историко-этнографический атлас». Крестьянское жилище, крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX в.) Под ред. В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера, М. Г. Рабиновича. М. 1967.

¹⁷ К. Г. Руслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко. Работа над историко-этнографическим атласом на Украине. СЭ, 1967, № 1; В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). СЭ, 1967, № 2; Е. Н. Студененко. Одежда народов Кавказа (о собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа). СЭ, 1967, № 3.

¹⁸ См., например, С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. ТИЭ, Т. XXII, 1954; его же. Современное искусство народов Сибири (скульптура). СЭ, 1961, № 6; Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М. 1959; В. Н. Чернецов. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси). СЭ, 1964, № 3; С. И. Вайнштейн. Орнамент в народном искусстве тувинцев. СЭ, 1967, № 2.

¹⁹ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М. 1957; В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси. 1957; И. А. Крывелев. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; Б. И. Шаревская. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М. 1964; С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М. 1964; его же. Религия в истории народов мира. М. 1964; Н. Л. Жуковская. Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье. СЭ, 1965, № 6.

чай и обряды²⁰. Разработка этих сюжетов имеет не только научно-познавательное, но и немалое прикладное значение, и они, несомненно, требуют пристального внимания.

Незаурядное место в этнографическом изучении культуры занимает дешифровка некоторых давно забытых систем письма. Эти по-своему неповторимые системы, существовавшие в раннеклассовых обществах, представляют собой один из неотъемлемых компонентов в комплексе отличительных черт каждого из таких обществ. Отсюда особое внимание этнографов к подобным системам письменности, как и вообще к словесному творчеству народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития. Подобное внимание представляется тем более естественным, что языковая культура таких народов обычно познается в первую очередь в ходе их этнографического изучения. Наиболее значительным, получившим всемирную известность достижением в области этнолингвистики являются исследования письменности древних майя, долгое время остававшейся загадкой для зарубежных филологов-американистов. Ведется также работа по дешифровке письменности острова Пасхи, протоиндийских текстов, созданных носителями культуры Хараппы, письменности киданей и чжурчженей²¹. Заметно продвинулось за последнее десятилетие этнолингвистическое изучение коренного населения Африки²². Наметились также сдвиги в этно- и социоллингвистическом изучении народов нашей страны²³, начало которому было положено еще в первые десятилетия после Октября²⁴. Дальнейшее развертывание комплексных этнолингвистических исследований народов представляется тем более важным, что без этого невозможно уяснить многие весьма существенные аспекты современных этнических процессов.

Рассмотрение в историографическом плане этнографических исследований культуры и быта неизбежно выдвигает некоторые вопросы общего характера. В частности, проводя такие исследования, необходимо учитывать, что по мере поступательного развития человечества внешние проявления этнической специфики в сфере культуры становятся все менее отчетливыми. В ранних архаических формах этнических ячеек, в которых производство и быт были слиты, этническая специфика пронизывала целиком всю жизнь; поэтому фиксировать ее довольно легко. На следующей ступени этнического развития — на ступени народности — этническая специфика обычно находит особенно отчетливое, а

²⁰ Особенно это относится к изучению новых обрядов. См., например, М. С. Шихарева. Сбальба у сельского населения Кубани. СЭ, 1964, № 1. В. Калитс. Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР. СЭ, 1965, № 4; Н. П. Лобачева. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана. СЭ, 1967, № 2. Подробнее об этом см. Л. М. Сабурова. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 годы. СЭ, 1967, № 5.

²¹ Б. Г. Кудрявцев. Письменность острова Пасхи. «Сборник МАЭ», Т. XI, 1949; Д. А. Ольдерогге. Параллельные тексты таблиц с острова Пасхи. Там же; Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. СЭ, 1956, № 4; Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.-Л. 1963; «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма». М. 1964; «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М. 1965; V. S. Starikov. Catalogue of Graphemes of the Kitan Script (First Variant) XI Pacific Science Congress (Tokyo). 1966. Moscow. 1966.

²² Д. А. Ольдерогге. Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации. «Краткие сообщения» Института этнографии, № 28, 1958; его же. Западный Судан в XV—XIX вв. ТИЭ. Т. LIII. 1960; «Африканский этнографический сборник». Тт. I—V. М.-Л. 1956—1963; «Africana. Культура и языки народов Африки». ТИЭ. Т. 90, 1966, и др.

²³ Л. И. Лавров. Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения» Института этнографии, № 29, 1953; Б. А. Калоев. Агулы. «Кавказский этнографический сборник». III. 1962; Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении этнонима «кыргызы». СЭ, 1964, № 2; Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М. 1966; Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. СЭ, 1967, № 1.

²⁴ «Языки и письменность народов Севера». Чч. 1—3. Л. 1934—1937.

главное, легко уловимое проявление в материальной культуре; но в некоторых других сферах, например, в сфере социальных отношений, она уже менее выразительна, чем на предыдущей ступени. На стадии нации, в условиях которой повседневная жизнь, в первую очередь материальная культура и быт, все более нивелируется, сфера проявления этнической специфики сужается: она сводится (помимо языка) в основном к некоторым сторонам духовной культуры и сознанию этнической принадлежности. Одним словом, в ходе прогрессивного развития человеческого общества этнические признаки как бы уходят с поверхности вглубь. Это, правда, отнюдь не означает, что они уже не играют существенной роли в важнейших сферах общественной жизни. Но фиксировать этнические особенности становится все труднее. В силу этого разработка методики этнографического изучения духовной культуры высокоразвитых обществ является одной из насущных задач²⁵.

Как уже отмечалось, многие сферы культуры этнографы изучают комплексно, всесторонне. Но самое изучение каждой из таких сфер той или иной этнической общности ведется ими преимущественно раздельно: еще мало внимания уделяется целостной характеристике особенностей культуры каждой исследуемой этнической единицы. Здесь мы вплотную подошли к вопросу об изучении характерных черт культуры отдельных этнических единиц, как проявления общности психического склада. Подавляющее большинство советских специалистов не только в прошлом, но и сейчас признает существование такого рода общности, что еще раз засвидетельствовала дискуссия по теории наций, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории». А из этого признания неизбежно вытекает необходимость изучения тех особенностей психического склада, которыми этнические единицы отличаются друг от друга. Между тем выдвигание такой задачи перед этнографической наукой до недавнего времени у нас считалось неправомерным. Обусловлено это в немалой степени тем, что борьба с метафизической буржуазной этнопсихологией, связанной нередко с расизмом, еще сравнительно недавно сопровождалась почти полным отрицанием этнической специфики психического склада (за исключением некоторых эмоционально-психических особенностей). При этом, однако, упускалось из виду, что подобное отрицание несовместимо с признанием общности психического склада в качестве одного из важнейших признаков такой этнической единицы, как нация.

Одним словом, изучение этнических аспектов социальной психологии — неотложная задача нашей этнографической науки²⁶. Это, пожалуй, один из самых значительных ее пробелов. Необходимость его преодоления очевидна. Но это потребует немалого времени: ведь предстоит не только заново разработать методику исследований, но и подготовить в этой области квалифицированные кадры. При этом, очевидно, необходимо координировать соответствующие усилия этнографов и специалистов по социальной психологии.

Возвращаясь к традиционной проблематике историко-этнографического профиля, надлежит упомянуть об исторических разделах этнодемографии. Для иллюстрации научных достижений в этой области следует упомянуть об установлении на основе архивных материалов родоплеменного состава, численности и размещения народов Сибири в XVII в., то есть к приходу русских²⁷.

²⁵ С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. СЭ, 1967, № 5.

²⁶ Показательно, впрочем, появление интереса к социальной психологии. См., например, Б. Ф. Поршнев. Принципы социально-этнической психологии. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964; С. Королев. Некоторые вопросы этнопсихологических исследований за рубежом. СЭ, 1966, № 1.

²⁷ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ. Т. LV, 1960.

Результаты историко-этнографического изучения как отдельных народов, так и целых регионов нашей страны получили отражение в многочисленных монографиях, трудах экспедиций, тематических сборниках²⁸. Особую значимость среди работ такого рода имеют историко-этнографические монографии о малых народах, не обладающих письменной традицией. Ведь только этнографу, располагающему материалами непосредственных полевых наблюдений, под силу путем ретроспективной реконструкции (разумеется, привлекая все источники, в том числе археологические данные) воссоздать историю таких народов. В результате поистине самоотверженной работы этнографов обрели свою историю десятки в прошлом бесписьменных и младописьменных народов нашей страны. За одно последнее пятилетие созданы историко-этнографические монографии об ульчах, вепсах, арчинцах, нивхах, чукчах, ненцах, орочах и других²⁹. Немало историко-этнографических монографий посвящено отдельным народам зарубежных стран, в частности народам стран Латинской Америки³⁰.

Одно из центральных мест в деятельности советских этнографов занимает в настоящее время изучение современных этнических процессов. И это вполне понятно. Происшедшие в послевоенный период огромные экономические, социальные и политические сдвиги во всем мире, и особенно в странах Африки, Азии и Латинской Америки, повлекли за собой, как известно, резкую активизацию национальных, этнических процессов. При этом научно-техническая революция середины XX в., необычайно сократившая расстояние между народами, сделала особенно осязаемым и нетерпимым наследие их бывшего неравномерного развития. Вместе с тем значительно расширились международные связи, усилилось стремление народов к сотрудничеству и взаимопониманию. В результате небывалым образом повсеместно возрос интерес к современной этнической жизни народов мира. И советские этнографы, естественно, не могли не реагировать на все это.

Современные этнические процессы проявляются в самых различных сферах общественной жизни. Это позволяет условно выделить такие, например, виды данных процессов, как этнокультурные, этнодемографические, этнолингвистические и т. д.; «условно», потому что в жизни все они неразрывно связаны, и этнографов в конечном счете интересует именно совокупность этих явлений, хотя, естественно, особое внимание они уделяют культурно-бытовым процессам в их этническом своеобразии. В связи с различием в практических задачах, возможностях и методике работы характеристику этнографического изучения этих процессов удобнее расчленить на два раздела, один из которых касается народов СССР, другой — народов зарубежных стран.

²⁸ См., например, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Тт. I—IV. М. 1952—1959; «Сибирский этнографический сборник». Вып. I—V. М. 1952—1963; «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции». Тт. I—IV. М. 1956—1960; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л. 1955. «Балтийский этнографический сборник». ТИЭ. Т. XXXII, 1956; «Вопросы этнической истории эстонского народа». Сборник статей, Таллин. 1956; Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. ТИЭ. Т. XXXVI, 1958; «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции». Т. I. М. 1959; «Вопросы этнической истории мордовского народа». ТИЭ. Т. LXIII, 1960; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). ТИЭ, Т. 87, 1964; И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. ТИЭ. Т. 89, 1966; Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань. 1966, и др.

²⁹ В. Г. Ларькин. Орочи. М. 1964; И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. Л. 1965; В. В. Пименов. Вепсы. М.-Л. 1965; А. В. Смоляк. Ульчи. М. 1966; Л. В. Хомич. Ненцы. Л. 1966; Ч. М. Таксами. Нивхи. Л. 1967.

³⁰ «Куба. Историко-этнографические очерки». М. 1961; «Эквадор. Историко-этнографические очерки». М. 1963; «Бразилия. Экономика. Политика. Культура». М. 1963; «Чили. Политика. Экономика. Культура». М. 1965; «Венесуэла. Экономика, политика, культура». М. 1967.

Этнографическое изучение современной культуры и быта народов нашей страны прошло несколько этапов. Работе в этой области было уделено значительное внимание еще в 1920—1930-е годы в связи с практическими задачами переустройства жизни отсталых в прошлом окраин страны. В конце 30-х годов деятельность этнографов в данном направлении почти замерла. Усилившись вновь в конце 40-х годов, этнографическое изучение современной культуры и быта народов нашей страны первоначально было далеко не совершенно в методическом отношении. Более глубокий характер и широкий размах эти исследования приобрели в конце 50-х — первой половине 60-х годов. Были подготовлены и опубликованы монографии о культуре и быте колхозного крестьянства многих народов нашей страны, причем значительное внимание в этих монографиях, как правило, уделялось исследованию семьи, ибо в ней, как уже говорилось, обычно наиболее отчетливо проявляются культурно-бытовые процессы³¹. Постепенно начали расширяться рамки исследований: была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения³². Ранее считалось, что этнографы должны изучать лишь сельское население, поскольку урбанизация ведет к стиранию этнической специфики; и хотя это стирание не означает полного исчезновения традиционных особенностей культуры и быта, однако их выявление у городского населения сопряжено с немалыми трудностями методического характера. Это же относится и к раскрытию в целом этнической специфики народов, культура и быт которых испытали значительное влияние промышленного развития. Однако по мере накопления опыта подобного рода трудности оказались в значительной мере преодоленными. Постепенно усложнялась и методика исследований. Изучение чрезвычайно сложных явлений современной жизни потребовало привлечения массового материала; в результате этнографы стали проводить широкие анкетные обследования с последующей обработкой их материалов с помощью счетно-решающих устройств³³.

³¹ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. ТИЭ. Т. XXIV, 1954; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент. 1955; «Село Вирятино в прошлом и настоящем». ТИЭ. Т. XLI, 1958; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. ТИЭ. Т. XXXVII, 1958; Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. ТИЭ. Т. LIX, 1960; «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». ТИЭ. Т. LXXVII, 1962; Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван. 1963 (на армянском языке); «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области». М.-Л. 1964; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области. М. 1964; О. Ф. Кувеньова. Громадський побуд українського селянства. Київ. 1966; «Культура и быт казахского колхозного аула». Алма-Ата. 1967; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». М. 1967; и др. Подробнее см.: В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева. Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. СЭ, 1961, № 3; Л. П. Потапов. Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР. СЭ, 1962, № 2.

³² В. Ю. Крупянская. К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса. «Вопросы истории», 1960, № 11; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад. 1961; В. Т. Занич. Соціалістичні пярэтворення, паросткі новага, камуністычнага ў культуры і та побуту рабітнікў Радзянскай Украіны. Київ. 1963; В. Ю. Крупянская, М. Г. Рабинович. Этнография города и промышленного поселка. СЭ, 1964, № 4; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города. СЭ, 1964, № 5; В. А. Чарыкзاده. О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи, «Азербайджанский этнографический сборник». 2, 1965; Д. М. Коган. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города. СЭ, 1967, № 4, и т. д.

³³ С. Б. Рождественская. Опыт обработки этнографических материалов при помощи счетных машин. СЭ, 1964, № 3; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Опыт применения анкетно-статистического метода для этнографического изучения городского населения. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года». Кишинев. 1967.

В последнее время стало уделяться внимание и теоретической разработке вопроса о профиле этнографических исследований современной культуры и быта в высокоразвитых обществах³⁴. Это особенно важно, поскольку, как известно, данное направление этнографических изысканий вызывает немалые споры. Одни полагают, что этнография в таком случае подменяет социологию; другие — что при этом этнография и социология выступают в тождественной роли; третьи сетуют на то, что в изучении современности социологи теснят этнографов. Одним словом, неуклонно выдвигается вопрос о соотношении этнографии и социологии при изучении современных культурно-бытовых процессов. (Кстати, этот вопрос оживленно дискутируется и зарубежными учеными.) Если рассматривать поставленный вопрос в общем теоретическом плане, то он в конечном счете может быть сведен к соотношению социальных и национальных факторов, социального организма и этнической общности. Если же говорить конкретнее, то при изучении современности социолог и этнограф как бы под разными ракурсами рассматривают одни и те же объекты. Первого интересует прежде всего социальная структура, социальные взаимосвязи и процессы; второго — этническая структура, этнокультурные взаимосвязи и процессы. Но эти структуры и процессы в жизни, как правило, весьма тесно связаны, чем в первую очередь и объясняется нередкое пересечение социологических и этнографических исследований современности. (Не случайно, этнография у нас в течение многих лет была чуть ли не единственной дисциплиной, под флагом которой велись конкретно-социологические исследования.) Следовательно, нужно не противопоставление этнографических и конкретно-социологических исследований современности, не ведомственное их размежевание, а взаимопроникновение этих двух дисциплин. Такое взаимопроникновение, как известно, уже началось — стала складываться новая смежная дисциплина — этносоциология. Она призвана в первую очередь исследовать в сравнительном плане, с одной стороны, специфику социальных процессов в разных этнических средах, с другой — особенности этнических изменений в различных социальных группах. Предпринимаются начальные, правда, довольно энергичные шаги по постановке эксперимента (на материалах Татарии); работа эта ведется группой социологов Института этнографии АН СССР при участии местных гуманитариев.

Развитие этносоциологических исследований, однако, отнюдь не может заменить собственно этнографическое изучение современной культуры и быта народов нашей страны. Только такое изучение в состоянии всесторонне выяснить особенности культурно-бытовых процессов у отдельных народов, раскрыть изменения в соотношении традиционных форм и инноваций, исследовать возникновение новых традиций, культурно-бытовые взаимодействия, создание общесоюзных черт культуры и быта. Более того, в иных случаях методы этнографических исследований оказываются незаменимыми даже при изучении современных социальных процессов. В первую очередь это относится к малым народам Севера, социалистическим преобразованиям которых посвящено значительное число специальных работ этнографов³⁵.

Большой научный интерес представляет и этнографическое изучение (с использованием данных лингвистики и материалов переписей) процессов национальной консолидации — исчезновения былой обособ-

³⁴ S. A. Tokarev. Die Grenzen der ethnologischen Erforschung der Völker industrieller Länder. «Ethnologia Europaea». Vol. I, 1967, № 1; е го же. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. СЭ, 1967, № 5.

³⁵ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л. 1955; В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера. М. 1958; И. С. Вдовин. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти. СЭ, 1967, № 5.

ленности и замкнутости, слияния в крупные нации отдельных родственных этнических образований, а также растворения в компактных этнических общностях небольших инациональных групп. Существенно продвинулись за последнее время исследования и таких важных этнических явлений, как национально-смешанные браки, соотношение родного языка и этнического самосознания, двуязычие³⁶. Исследования в данном направлении приобретают тем большее значение, что в настоящее время центральное место в деятельности этнографов, изучающих современную жизнь народов нашей страны, занимает создание обобщающего коллективного труда «Этнические процессы в СССР».

Все шире разворачивается у нас и изучение современных этнических процессов, происходящих в зарубежных странах. Наиболее значительно продвинулось это изучение в отношении народов Азии и Америки³⁷; в первом случае наряду с этнографами существенный вклад в разработку проблемы внесен востоковедами, во-втором — историками-американистами. В настоящее время ведется подготовка серии обобщающих монографий о современных национальных процессах в странах Азии и Латинской Америки, а также в США и Канаде. Сравнительно недавно было положено начало изучению такого рода процессов на африканском континенте³⁸. Постепенно разворачивается работа по изучению современной этнической жизни народов Западной Европы.

Значительное развитие в последнее время получили в нашей стране этногеографические исследования современных народов³⁹. Усиление внимания к этим исследовательским направлениям приходится на последние годы Великой Отечественной войны, когда встала задача восстановления в Европе национальных границ, нарушенных гитлеровской агрессией⁴⁰. В данной связи наряду с подготовкой многочисленных справочных материалов этнографами была проделана важная теоретическая работа по определению самих понятий «этническая граница», «этническая территория»⁴¹. Одновременно были разработаны новые методы этнического картографирования; создано несколько способов сочетания на картах различных этнических и демографических показа-

³⁶ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; А. В. Смоляк. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура. СЭ, 1963, № 3; Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР. СЭ, 1964, № 6; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. СЭ, 1965, № 5; Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире. СЭ, 1965, № 6; Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии. СЭ, 1967, № 4; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. СЭ, 1967, № 5.

³⁷ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Современный этап национального развития народов Азии и Африки. СЭ, 1961, № 4; «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии». ТИЭ. Т. 83, 1963; Э. Л. Нитобург. О негритянском вопросе в США. «Новая и новейшая история», 1963, № 5; сборник «Нации Латинской Америки». М. 1964; М. С. Иванов. Современные национальные процессы в Иране. СЭ, 1967, № 5; Н. Н. Чебоксаров. Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии. СЭ, 1966, № 2.

³⁸ И. И. Потехин. Формирование национальной общности южноафриканских банту. ТИЭ. Т. XXIX, 1955; его же. Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы. СЭ, 1957, № 4; С. Р. Смирнов. Образование и пути развития северосуданской народности. «Африканский этнографический сборник». I. ТИЭ. XXXIV, 1956; Р. Н. Исмаилова. Народы Нигерии. М. 1963; Б. В. Андрианов. Население Африки. М. 1964; его же. Проблема формирования народностей и наций в странах Африки. «Вопросы истории», 1967, № 9.

³⁹ С. И. Брук, В. И. Козлов. Основные проблемы этнической картографии. СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин. О предмете и задачах этнографии. СЭ, 1963, № 1; С. И. Брук. Принципы этнического картографирования «Eugora et Hungaria. Congressus ethnographicus in Hungaria». Budapest. 1965.

⁴⁰ С. А. Токарев. Советская этнография за сорок лет, стр. 88—89.

⁴¹ П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. ТИЭ. Т. XV, 1951.

телей⁴². На основе новой методики за сравнительно короткое время этническим картографированием были охвачены все части земного шара. Особенно большое значение имело составление в последнее десятилетие этнографических карт слабо изученных регионов. Вышли в свет карты народов Индонезии, Китая, МНР, Кореи, Индокитая, Передней Азии, Африки и других стран и регионов⁴³. Изданы также обобщающая карта «Народы мира»⁴⁴ и сводный труд, подводящий итоги многолетних исследований — «Атлас народов мира»⁴⁵.

Одновременно развивалось, хотя и несколько более медленными темпами, этнодемографическое направление в изучении современности. Его материалы занимают, в частности, значительное место в текстовых приложениях к перечисленным выше картам народов различных регионов мира и земного шара в целом. Наиболее значительный результат этнодемографических исследований — обобщающий труд «Численность и расселение народов мира»⁴⁶, где дана подробная характеристика национального состава населения всех стран мира, численности отдельных народов и территории их расселения. Внимание широких кругов читателей привлекли также сводные справочники «Население мира» (1965) и «Население земного шара» (1965).

Немалое внимание советские этнографы уделяют методологическим вопросам общего характера. Так, для понимания общих закономерностей развития культуры в целом, а также складывания ее специфических черт у отдельных народов большое значение имеет разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. В первом случае имеются в виду определенные комплексы хозяйства и культуры, каждый из которых одновременно характерен для нескольких народов подчас самых различных частей ойкумены; хотя эти комплексы складываются самостоятельно у разных народов, они оказываются однотипными в силу примерно одинакового социально-экономического уровня развития этих народов и сходных природных условий. Под историко-этнографическими (или, пожалуй, точнее, историко-культурными) областями подразумеваются отдельные части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности⁴⁷. Введение в научный оборот понятия «историко-этнографическая область» дало исследователям в руки важный инструмент для этнической макроклассификации населения земного шара; в сущности, это понятие положено в основу членения материалов в серии «Народы мира».

Значительный шаг в создании детальной классификации народов мира представляет предложенный советскими этнографами этнолингвистический принцип. Основой этнической группировки при этом служит язык, а в тех случаях, когда одного этого показателя недостаточно, во внимание принимаются другие этнические признаки, прежде всего специфические культурно-бытовые черты, а также этническое самосознание. Эти общие положения широко используются в этническом картографировании.

⁴² П. И. Кушнер (Кнышев). Методы картографирования национального состава населения. СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий. О новом методе этнического картографирования. СЭ, 1953, № 1.

⁴³ С. И. Брук. Карта народов Китая, МНР и Кореи. М. 1959; его же. Карта народов Индокитая. М. 1959; его же. Народы Передней Азии (карта). М. 1961; Б. В. Андрианов. Народы Африки. М. 1961; М. Я. Берзина, С. И. Брук. Карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин. М. 1956, и др.

⁴⁴ Б. В. Андрианов, М. Я. Берзина, С. И. Брук, Я. Р. Винников, Ф. Н. Каменецкая, В. И. Козлов. Карта народов мира. М. 1961.

⁴⁵ «Атлас народов мира». Под ред. С. И. Брука и В. С. Апенченко. М. 1964.

⁴⁶ «Численность и расселение народов мира». Под ред. С. И. Брука. М. 1962.

⁴⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4.

В последнее время усилилось внимание этнографов и к теоретической разработке такой важной для понимания закономерностей этнических процессов проблемы, как роль преемственности (традиции) и обновления (инновации) в развитии культуры⁴⁸.

Активное участие приняли советские этнографы в развернувшейся недавно теоретической работе по типологизации этнических общностей⁴⁹. При этом ими особое внимание уделяется определению самого понятия «этническая общность». Они рассматривают его как более широкое, чем термин «народ», так как «этнической общностью» можно назвать и группу народов, близких по языку и культуре, и части народа, имеющие языковое и культурное своеобразие. Кстати сказать, представляется вряд ли правомочным сводить все этнические общности лишь к основным последовательно сменяющимся типам: племя, народность, буржуазная нация и социалистическая нация. Судя по этнографическим материалам, одна и та же группа людей может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей разных масштабов. Так, например, в древности основная этническая единица — племя — одновременно являлась частью более широкой этнолингвистической или этнополитической общности типа союза племен. Представление об иерархичности этнических общностей, а соответственно этнических процессов открывает, на наш взгляд, возможность глубже уяснить диалектическую взаимосвязь между процессами расцвета и сближения наций — наиболее характерными явлениями современной этнической жизни нашей страны.

Наряду со всем комплексом историко-этнографического изучения народов мира направлением первостепенной важности в советской этнографической науке является изучение истории первобытного общества. Выделению особой доклассовой стадии в истории человечества принадлежит, как известно, немалая роль в разработке и обосновании марксистско-ленинской концепции общественного развития. Не случайно с момента возникновения этой концепции и поныне буржуазная наука не оставляет попыток противопоставить ей новые этнографические факты, якобы доказывающие извечность частной собственности, моногамной семьи, классов и государства.

Именно поэтому с первых же шагов советской этнографии стало уделяться особое внимание первобытной истории, разрабатываемой этнографами совместно с археологами и антропологами. За период, отделяющий нас от начала 30-х годов, советские этнографы подняли и ввели в научный оборот новый обширный материал, в том числе собственных полевых исследований, свидетельствующий об исторической универсальности родового строя; в частности, доказано широкое распространение такого характерного признака первоначального рода, как дуальная организация. Собраны обширные данные, подтверждающие первичность общинной и вторичность частной собственности, а также сравнительно позднее происхождение моногамной семьи. Существенно продвинулось изучение поздних форм первобытнообщинного строя: установлена сложная структура патриархального рода, начата типологизация большой семьи, выявлен и обобщен обширный материал о ее сегментированной форме, так называемой патронимии⁵⁰. Для раскры-

⁴⁸ В. В. Пименов. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры. СЭ, 1967, № 2.

⁴⁹ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 1; его же. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, № 2; Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей. «Вопросы истории», 1967, № 4; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских этнографов. СЭ, 1967, № 4.

⁵⁰ А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии. «Известия ГАИМК». Т. X, 1931; его же. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск. 1939; А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л. 1936; Н. А. Кисляков. Следы первобытного

тия конкретных путей перехода от доклассового общества к классовому важное значение имело этнографическое изучение военной демократии и домашнего рабства⁵¹. В процессе развития и конкретизации материалистической концепции первобытной истории выяснилось, что некоторые частные положения, выдвинутые в свое время Л. Г. Морганом, устарели. Их уточнение, начавшееся еще в довоенные годы и особенно широко развернувшееся в последнее время, имеет тем большее значение, что попытки опровергнуть материалистическую концепцию первобытной истории чаще всего связаны с отнесением на счет марксизма отдельных ошибочных тезисов Л. Г. Моргана.

В соответствии с данными современной этнографии значительно уточнена, в частности, схема развития семейно-брачных отношений первобытного общества, из которых исключены гипотетически реконструированные Л. Г. Морганом стадии кровнородственной семьи и семьи пуналуа⁵². Следует также упомянуть и об отказе многих советских этнографов от мнения Моргана, что возникновение экзогамии обусловлено сознательным стремлением избежать вредных последствий кровосмешения⁵³. Впрочем, у исследователей пока еще нет полного единства взглядов относительно этой проблемы, имеющей чрезвычайно важное значение для понимания причин и механизма превращения человеческого стада в родовую общину.

В свете новых этнографических и археологических материалов потребовалось уточнить, как это предвидел еще Ф. Энгельс, и предложенную Л. Г. Морганом периодизацию первобытной истории. В ходе развернувшихся в послевоенный период дискуссий было выдвинуто несколько вариантов новой периодизации⁵⁴. И хотя обсуждение еще не закончено,

коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Л. 1936; его же. Родовой строй и первобытная мифология. М. 1964; М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы. М.-Л. 1948; его же. Очерки истории первобытной культуры. М. 1957; его же. Семейная община и патронимия. М. 1963; Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. М. 1964; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М. 1966; М. В. Крюков. Формы социальной организации у древних китайцев. М. 1967, и др. Важными вехами в изучении первобытного общества являются также сборники «Вопросы истории доклассового общества». М.-Л. 1936; «Родовое общество». ТИЭ. Т. XIV, 1951; «Проблемы истории первобытного общества». ТИЭ. Т. LIV, 1960.

⁵¹ С. П. Толстов. Военная демократия и проблемы генетической революции. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 7—8, 1935; Ю. П. Аверкиева. Рабство у индейцев Северной Америки. М.-Л. 1941; И. И. Потехин. Военная демократия матабеле. Сборник «Родовое общество»; М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. Сборник «Проблемы истории первобытного общества»; С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга. СЭ, 1958, № 1; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. ТИЭ. Т. LXX, 1961, и др.

⁵² См. С. А. Токарев. О системах родства у австралийцев. К вопросу о происхождении семьи. «Этнография», 1929, № 1; А. М. Золотарев. К истории ранних форм группового брака. «Ученые записки» исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. II, 1940; М. О. Косвен. К проблеме группового брака. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, № 1, 1946; Д. А. Ольдерогге. Малайская система родства. «Родовое общество»; Д. Д. Тумаркин. К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в. СЭ, 1953, № 4, и др. Подробнее об этом см. А. И. Першиц. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки. «Вопросы истории», 1967, № 2.

⁵³ А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии; М. П. Жаков. К постановке генетических проблем истории доклассового общества. «Известия ГАИМК». Вып. 100, 1933; С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ» №№ 9—10, 1935; Д. А. Ольдерогге. Из истории семьи и брака. Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке. СЭ, 1947, № 1; Н. А. Бутинков. Проблемы экзогамии (на материалах австралийцев). Сборник «Родовое общество».

⁵⁴ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1952, № 3; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. «Проблемы истории первобытного общества»;

но главный его результат очевиден. Общеизвестно, что эта периодизация должна в первую очередь основываться не на культурно-исторических, а на социологических показателях. Оживленно дебатуются и такие вопросы, как соотношение рода и родовой общины, развитие систем родства, в частности последовательность возникновения матрилинейного и патрилинейного счетов родства, историческое место дислокального брака, характер ранних форм брачных отношений⁵⁵. Этот далеко не полный перечень дискутируемых вопросов отчетливо свидетельствует о необходимости дальнейшей углубленной разработки истории первобытнообщинного строя. К сожалению, этнографическому изучению первобытности в последние десятилетия стало уделяться значительно меньше внимания, чем в предвоенные годы. Такое положение нельзя считать нормальным. Необходимо принять соответствующие организационные меры для укрепления этого участка нашего исторического фронта, участка, имеющего весьма важное мировоззренческое значение.

С разработкой проблем первобытного общества тесно связано этнографическое изучение архаических форм социальной жизни, сохраняющихся в классовых, в первую очередь раннеклассовых обществах. Здесь, пожалуй, в первую очередь необходимо особо отметить внесение советскими этнографами заметной лепты в исследование общественно-го строя у кочевников⁵⁶. Заслуживает внимания и введение в науку новых обширных материалов, характеризующих различные типы общин и раскрывающих их роль в жизни народов самых различных регионов земного шара⁵⁷.

Чрезвычайно существенное в идеологическом плане направление представляет деятельность советских этнографов в области историографии. Отчасти это относится к оживившейся в последнее время исследовательской работе по истории отечественной этнографии⁵⁸. Но особенно

Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе; там же; Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1965, № 5; Ю. П. Аверкиев. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества. «От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки». Сборник. М. 1967.

⁵⁵ См. Д. А. Ольдерогге. Кольцевая связь родов, или трехродовой союз (Gens triplex). «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», № 1, 1946; его же. Основные черты развития систем родства. СЭ, 1960, № 6; Ю. М. Лихтенберг. Австралийские и меланезийские системы родства. «Проблемы истории первобытного общества»; Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов» М.-Л. 1962; Ю. И. Семенов. О некоторых вопросах становления человеческого общества. «Вопросы философии», 1965, № 6; М. В. Крюков. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации. СЭ, 1967, № 6, и др.

⁵⁶ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия ГАИМК». Вып. 103, 1934; А. Н. Бернштам. Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии. СЭ, 1934; № 6; Л. П. Потапов. К вопросу о патриархально-феодалных отношениях у кочевников. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1947; его же. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6; С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. «Родовое общество»; М. М. Эфендиев, А. И. Першиц. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 11; его же. Хозяйство и общественный строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. ТИЭ, Т. 69, 1961; Л. П. Лашук. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. СЭ, 1967, № 4; его же. О характере классообразования в обществах ранних кочевников. «Вопросы истории», 1967, № 7.

⁵⁷ Из последних работ см., например, Э. Г. Карапетян. Армянская семейная община. Ереван. 1958; Р. Харадзе. Грузинская семейная община. Тт. I—II. Тбилиси. 1960—1961; Ю. В. Маретин. Община мянганкабад и ее разложение. (Первая треть XX в.). ТИЭ, Т. LXXIII, 1961; В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М. 1967; сборник «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии». Л. 1967, и др.

⁵⁸ «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». Вып. 1—3, ТИЭ, Тт. XXX, 85, 91, 1956, 1963, 1965; С. А. Токарев. История русской этнографии (Дооктябрьский период).

важно в идеологическом отношении изучение зарубежной этнографической науки. Творчески используя достижения прогрессивных ученых, критически осваивая новые полевые материалы своих зарубежных коллег, советские этнографы ведут непримиримую борьбу против реакционных течений в буржуазной науке. Одна из важнейших линий этой борьбы — разоблачение расизма, нередко пытающегося почерпнуть аргументы не только в антропологических, но и в этнографических материалах. Получив заметное развитие еще в предвоенный период, деятельность советских этнографов в данной области в последнее время вновь резко активизировалась. В прошлом году Институтом этнографии АН СССР был опубликован коллективный труд «Против расизма», сейчас находится в печати сборник статей «Нет расизму» и публикация материалов «Документы разоблачают расизм». В послевоенные десятилетия значительная работа проделана советскими этнографами (главным образом специалистами по зарубежной этнографии) и в сфере критики таких антимарксистских школ, как английский функционализм, американская этнопсихологическая школа, культурный релятивизм и т. п. Их критическому анализу посвящен как ряд статей, опубликованных в периодических изданиях («Советская этнография», «Вопросы истории» и др.), так и специальные сборники: «Англо-американская этнография на службе империализма» (1951), «Современная американская этнография» (1963).

В последнее время и наши специалисты по отечественной этнографии стали принимать активное участие в критике буржуазных антимарксистских построений. Особенно в данной связи следует отметить публикацию в одном из последних номеров международного этнографического журнала «Current Anthropology» коллективной полемической статьи советских этнографов⁵⁹. Эта статья содержит аргументированный критический анализ помещенного в том же номере тенденциозного материала американских авторов Ст. и Е. Даннов о культурно-бытовых процессах за годы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Наряду с этими основными материалами редакция журнала поместила ряд небольших заметок-откликов. Знакомясь с этой дискуссией, лишней раз убеждаешься, сколь острым идеологическим оружием являются этнографические знания.

Вместе с тем, как уже говорилось, эти знания имеют существенное прикладное значение. На протяжении пятидесяти лет, отделяющих нас от Великой Октябрьской социалистической революции, советские этнографы не раз вносили свою лепту в решение практических задач социалистического и коммунистического строительства. Так, уже в первые годы Советской власти этнографические изыскания сыграли немалую роль при проведении национального размежевания. Действенную помощь делу созидания новых общественных отношений у многих в прошлом отсталых народов нашей страны оказало раскрытие этнографами несостоятельности попыток трактовать род как готовую ячейку социалистического строя, попыток, связанных со стремлением отрицать существование у таких народов под покровом патриархально-родовых форм классовых отношений и эксплуатации. Следует вновь напомнить и об уже отмечавшейся выше работе этнографов по подготовке материалов в связи с проведением послевоенных границ.

Как известно, без этнографических знаний невозможно выработать правильное отношение к огромному хозяйственно-культурному наследию народов, отделить содержащиеся в нем прогрессивные, рациональные традиции от вредных пережиточных явлений. На протяжении полувековой истории нашего государства неоднократно использовались рекомендации этнографов по вопросам, связанным с преобразованием хо-

⁵⁹ «Current Anthropology», 1967, Vol. 8, № 3.

зайства, культуры и быта; в частности, при планировании новых типов поселений и жилища, выработке новых обрядов, в ходе борьбы против таких вредных пережитков прошлого, как остатки фактического неравенства женщин, многоженства, религиозно-бытовых традиций.

Следует также отметить, что в результате комплексных работ этнографов, археологов и географов оказалось возможным разработать ряд проектов освоения земель древнего орошения в Средней Азии. Особенно существенное прикладное значение имели этнографические исследования у народов, шагнувших в социализм прямо из феодального или даже патриархального строя. Этнографы, например, неоднократно принимали участие в подготовке партийно-правительственных мероприятий по дальнейшему подъему благосостояния и культуры народов Севера. В последние годы этнографами-сибиреоведами разработан ряд новых научных рекомендаций по вопросам перехода оленеводов к оседлости, по связи промышленного строительства с развитием промыслового хозяйства у народов Севера, улучшению быта пастухов-олленеводов⁶⁰. Вместе с тем многие накопленные советскими этнографами материалы о социалистических преобразованиях у народов СССР представляют немалый интерес для развивающихся стран Азии и Африки. Это недавно весьма наглядно продемонстрировал состоявшийся в нашей стране семинар Международной организации труда, посвященный изучению советского опыта перехода кочевников к оседлости⁶¹.

Наконец, несомненно, заслуживает быть отмеченным неизменное участие этнографов в подготовке и проведении Всесоюзных переписей населения. При этом особое значение имеют заключения этнографов относительно этнической принадлежности тех или иных групп населения нашей страны. Такого рода заключения (в форме перечня всех этнических общностей, существующих сейчас в СССР) этнографам надлежит разработать и к предстоящей переписи 1970 года⁶².

Заметно возрос, особенно в послевоенные годы, международный престиж советской этнографической науки. Этому немало содействовал состоявшийся в 1964 г. в Москве VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (в конгрессе участвовало около двух тысяч советских и около тысячи зарубежных ученых из 55 стран). Показательно, что после Конгресса резко усилился интерес зарубежной научной общественности к трудам советских этнографов; так, по далеко не полным данным, за период, отделяющий нас от VII конгресса, зарубежными издательствами было переведено и опубликовано около 150 различных работ советских этнографов⁶³. Сейчас этнографы из самых различных концов страны включаются в активную подготовку к очередному Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, который состоится в сентябре этого года в Токио.

Всем сказанным, разумеется, далеко не исчерпывается многогранная деятельность советских этнографов за полстолетия. За пределами статьи неизбежно остаются многие аспекты этой деятельности. Особо следует отметить огромную работу этнографических музеев⁶⁴, притом

⁶⁰ См., например, В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. СЭ, 1966, № 3.

⁶¹ Т. А. Жданко. Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников). СЭ, 1967, № 4.

⁶² С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. СЭ, 1967, № 6.

⁶³ В частности, отдельные статьи советских этнографов в переводе на английский язык регулярно публикуются в выходящем с 1962 г. в США квартальнике «Soviet Anthropology and Archeology».

⁶⁴ Как центральных (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Государственный музей этнографии народов СССР), так и республиканских (например, этнографических музеев в Тбилиси, Тарту, Львове); немалую лепту в этнографическое изучение страны вносят и многочисленные краеведческие музеи.

не только пропагандистскую, просветительскую, но и научную, исследовательскую. Необходимо упомянуть и существенно продвинувшуюся за последнее время деятельность по созданию специальных учебников и учебных пособий⁶⁵.

К сожалению, мы не имели возможности детально охарактеризовать развитие этнографической науки во всех регионах нашей страны — задача эта поистине необъятна⁶⁶. Оказался почти нераскрытым конкретный вклад в разработку этнографической проблематики даже таких наиболее родственных этнографии дисциплин, как этническая антропология и фольклористика⁶⁷. Пришлось поневоле ограничиться лишь самой обобщенной характеристикой основных направлений собственно этнографических исследований, развернувшихся в Советском Союзе за те пять десятилетий, которые отделяют нас от 25 октября 1917 года. При этом представлялось существенным не только отметить важнейшие итоги, главные достижения в данной области исследований, но и выявить отдельные нерешенные вопросы, наметить некоторые конкретные перспективы их разработки.

Что же касается общих перспектив развития этнографической науки, так сказать, ее дальнейших судеб, то они, на наш взгляд, во многом предопределяются возрастающим интересом во всем мире к этническим явлениям и процессам.

⁶⁵ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М. 1958; Г. Г. Громов. Методика этнографических экспедиций. М. 1966; Ю. В. Кнышенко. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону. 1965; К. И. Козлова. История первобытного общества и основы этнографии. М. 1967.

⁶⁶ О развитии этнографических исследований в республиках см.: К. Г. Гуслицкий и Я. Стан і завдання розвитку етнографічної науки в Українській РСР. «Народна творчість та етнографія», № 4, 1958; Г. С. Ч и т а я. Этнографические исследования в Грузинской ССР. СЭ, 1948, № 4; Г. А. Гу л и е в. Этнография Азербайджана за 40 лет. СЭ, 1961, № 4; Л. Х. Акаба. Этнографическое изучение абхазов за годы Советской власти. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории. Т. 32, 1961; Д. С. В а р д у м я н. Армянская этнография за годы Советской власти. СЭ, 1962, № 5; А. В и ш н я у с к а й т е. Этнографические исследования в Литве в 1940—1960 годах. СЭ, 1960, № 3; М. К. С т е п е р м а н и с. Развитие этнографической науки в Советской Латвии. СЭ, 1960, № 3; А. О. В и й р е с. Эстонская советская этнография (1940—1960). СЭ, 1960, № 3; Н. Н. Е р ш о в. К истории развития этнографической науки в Таджикистане. СЭ, 1968, № 1; А. К. П и с а р ч и к. Этнографическая работа в Таджикистане. «Известия» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 6, 1954; Э. А. М а с а н о в. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата. 1966, и др.

⁶⁷ Общую характеристику основных достижений этих дисциплин за полвека см.: В. П. Алексеев. Изучение антропологического состава СССР за 50 лет. СЭ, 1967, № 5; В. К. Соколова. Советская фольклористика к 50-летию Октября. Там же.